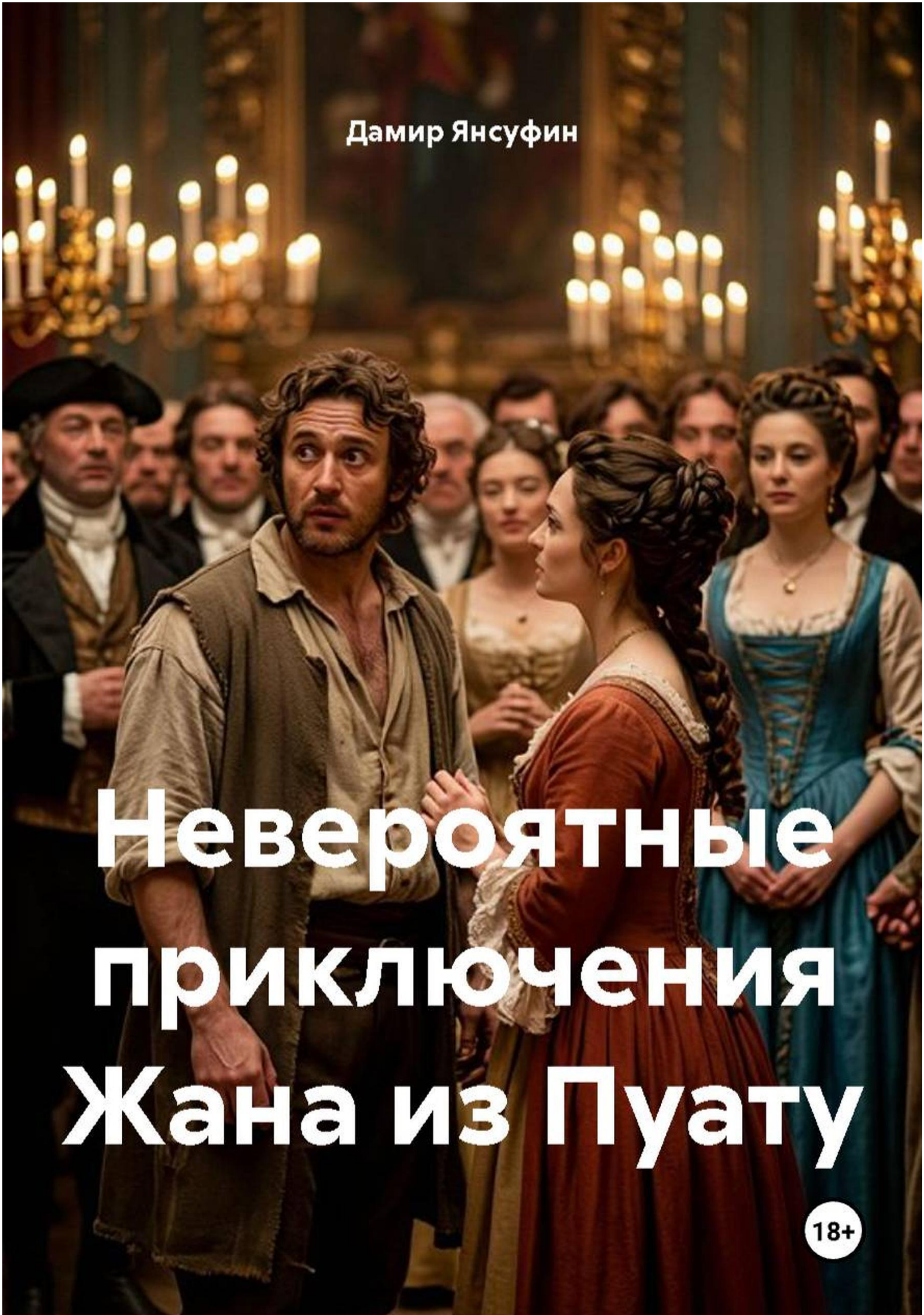
Дамир Янсуфин
Невероятные приключения Жана из Пуату
18+

Дамир Янсуфин

Невероятные приключения Жана из Пуату

«Автор»
2026

Янсуфин Д.

Невероятные приключения Жана из Пуату / Д. Янсуфин — «Автор», 2026

Франция, 1774 год. Жан — простой крестьянин из Пуату, не умеющий читать и совершенно не знакомый с аристократическими нравами. Но случайная встреча с графиней де Монтескьё открывает ему дорогу в Париж — мир шелка, пудры, интриг и громких скандалов.Оказавшись среди дворян, Жан быстро становится источником самых неожиданных происшествий. Дуэли, нелепые столкновения, сомнительные истории о мушкетерах и дерзость, которой никто от него не ожидал, превращают простого деревенского парня в настоящую сенсацию столичного общества.В Париже, где каждый стремится казаться важнее, богаче и благороднее, Жан не собирается менять себя. И, возможно, именно это оказывается его главным преимуществом.История о приключениях, случайностях и человеке, который совершенно неожиданно оказался не на своём месте — и начал менять окружающий мир.

© Янсуфин Д., 2026
© Автор, 2026

Дамир Янсуфин
Невероятные приключения Жана из Пуату

Глава 1. Запах навоза и пудры

Провинция Пуату, октябрь 1774 года

Осень в этом году выдалась на редкость промозглой. Дожди шли с Михайлова дня, не переставая, и земля, которую Жан пахал с отцом и дедом, превратилась в тяжёлое, липкое месиво. Оно набивалось в деревянные сабо, оттягивало ноги, и каждая борозда давалась с таким трудом, будто ты не поле вспахиваешь, а вырываешь из земли её самые сокровенные жилы.

Жану шёл двадцать второй год. Это был крепкий, широкоплечий парень с грубыми, но правильными чертами лица, обветренной кожей и руками, которые, казалось, были высечены из того же камня, что и межевые столбы на границе общинных земель. Он не умел читать и писать — в их деревне Сен-Сюльпис-ле-Шамп это умение считалось столь же бесполезным, как умение танцевать менуэт. Зато он знал, когда сеять рожь, как определить по ветру, будет ли град, и как одной лепёшкой накормить семью из пяти ртов.

Жизнь Жана была предопределена от рождения до смерти. Как и его отца. Как и его деда. Родиться, работать, жениться на такой же крестьянке, нарожать детей, которые продолжат эту бесконечную борозду, и умереть, вернувшись в ту самую землю, которую пахал всю жизнь. В этой жизни не было места чудесам. Только тяжёлый, честный труд и редкие минуты тупого, усталого покоя у очага.

Но в тот вечер, в конце октября, судьба Жана сделала неожиданный поворот.

Он возвращался с мельницы, куда отвозил последний мешок зерна на помол. Телега, запряжённая старой кобылой по кличке Мулатка, медленно тащилась по разбитой дороге. Жан шёл рядом, накинув на плечи промокшую от дождя сермягу. Внезапно из-за поворота, где дорога огибала лес, послышался топот копыт и звон бубенцов. Жан едва успел оттащить Мулатку в сторону, как мимо него вихрем пронеслась карета, забрызгав его грязью с головы до ног.

Карета была не просто каретой. Это был настоящий дворец на колёсах, украшенный золочёной резьбой, с гербом на дверце. Жан, конечно, не разбирался в геральдике, но даже он понял: это едет кто-то очень важный. Кучер, не обращая на него никакого внимания, хлестал лошадей. Но в этот момент одно из колес кареты, попав в глубокую колдобину, сломалось с оглушительным треском. Карета накренилась и остановилась.

Из окна высунулся холёный лакей в ливрее и заорал:

— Стоять! Идиот! Ты сломал ось! Мы опоздаем на бал к маркизу де Шатонеф!

Жан замер. Он не знал, что делать. Помочь? Убежать? Он просто стоял и смотрел, как лакей и кучер суетятся вокруг сломанного колеса.

И тут дверца кареты отворилась. Из неё, шурша шелками, вышла молодая женщина. Она была прекрасна той особенной, тепличной красотой, которая не встречается в деревнях. Её лицо, обрамлённое лёгкими локонами, показалось Жану лицом ангела с церковного витража. Она с отвращением посмотрела на грязь под ногами, на замершего Жана, на сломанное колесо.

— Что здесь происходит? — спросила она капризным, но мелодичным голосом.

— Мадам, колесо сломалось, — пролепетал лакей. — Этот... этот деревенщина, он...

— Мне всё равно, — резко оборвала его женщина. — Через час мы должны быть у Шатонефа. Я не собираюсь пропустить бал из-за какой-то грязной дороги.

Она перевела взгляд на Жана. В её глазах не было ни злобы, ни презрения — только холодное, абсолютное безразличие. Так смотрят на мебель, на дорожную пыль, на что-то настолько незначительное, что оно не заслуживает даже презрения.

И в этот момент Жан, сам не понимая, что делает, шагнул вперёд.

— Мадам, — сказал он, и голос его, обычно твёрдый, предательски дрогнул. — Я... я могу помочь. У моего отца в сарае есть запасное колесо. Оно, конечно, не такое... красивое. Но оно крепкое. До Сен-Сюльписа полчаса ходу. Я мигом.

Женщина подняла бровь. Лакей открыл рот, чтобы прогнать наглеца, но она остановила его жестом веера.

— Ты? — переспросила она, разглядывая его с ног до головы. — Ты понимаешь, что если мы опоздаем, ты ответишь за это?

— Понимаю, мадам, — кивнул Жан, хотя, конечно, не понимал. Он просто хотел, чтобы эта пытка закончилась. Чтобы эти люди уехали и оставили его в покое.

— Хорошо, — неожиданно легко согласилась она. — Живо. И если ты принесёшь мне колесо, я, так и быть, дам тебе экю.

Она вернулась в карету, хлопнув дверцей. Жан, проклиная себя за длинный язык, побежал к дому.

Через сорок минут он вернулся, волоча тяжёлое дубовое колесо. Кучер и лакей, ругаясь сквозь зубы, установили его на место. Колесо было явно не от этой кареты, оно было грубым, неотёсанным, но оно держало. Карета выровнялась.

Женщина вышла снова. Она бросила Жану монету, которая упала в грязь. Жан не стал её поднимать. Он просто стоял и смотрел, как лакей подаёт ей руку, помогая забраться внутрь.

— Как тебя зовут? — внезапно спросила она, уже стоя на подножке.

— Жан, мадам. Жан из Сен-Сюльписа.

— Жан... — повторила она, будто пробуя имя на вкус. — Что ж, Жан из Сен-Сюльписа, ты, сам того не желая, оказал услугу графине де Монтескье. Запомни это имя.

Она улыбнулась — впервые за всё это время. Улыбка была холодной, как лёд, но она была. Дверца закрылась, кучер хлестнул лошадей, и карета умчалась, оставив Жана стоять в грязи, с монетой под ногами и с запахом дорогих духов, который ещё долго витал в сыром осеннем воздухе.

Он поднял монету. Экю. Целый экю. Это были деньги, которых он не видел месяцами.

Жан вернулся домой, где его ждала обычная жизнь: больная мать, младшие сестры, скудный ужин из похлёбки и чёрствого хлеба. Он ничего не рассказал о случившемся. Просто положил монету на стол, и мать долго смотрела на неё, не смея поверить.

Ночью Жан не мог уснуть. Он лежал на соломенной подстилке, вдыхал запах дыма и сырости и вспоминал. Блеск золочёной кареты. Шёлк платья. Ледяное равнодушие в глазах графини. И этот запах — пудры, духов, чего-то сладкого и чужого.

Он не знал, что через неделю эта встреча перевернёт всю его жизнь.

Париж, неделю спустя

Жан никогда не был в Париже. Он вообще никогда не покидал пределов своей деревни дальше, чем на десять лье. Но когда в их дом постучал посыльный в ливрее с гербом де Монтескье и вручил ему конверт с сургучной печатью, всё изменилось.

В конверте было письмо, написанное изящным почерком, и приглашение. Жан не умел читать, поэтому письмо вслух прочёл местный кюре. Графиня де Монтескье, памятуя о его услуге, приглашала Жана в Париж, в свой особняк, чтобы он мог «получить достойное вознаграждение за свою доброту». К письму прилагалась сумма, достаточная, чтобы добраться до столицы и купить приличную одежду.

Жан был в смятении. Это было похоже на ловушку. Или на чью-то злую шутку. Но мать, услышав о деньгах, заплакала и сказала:

— Сынок, это шанс. Господь послал тебе шанс. Не отказывайся.

И Жан поехал.

В Париже он оказался в совершенно другом мире. Мире, где люди не пахали землю, а порхали по паркету. Где вместо запаха навоза стоял запах духов и жареного мяса. Где слова были изящными, а взгляды — острыми, как лезвие.

Графиня де Монтескье приняла его холодно, но не враждебно. Она оглядела его новую одежду — простой, но добротный камзол, купленный на рынке, — и слегка поморщилась.

— Что ж, — сказала она. — Ты хотя бы не пахнешь лошадью. Сегодня вечером в особняке маркиза де Шатонеф дают бал. Ты пойдёшь со мной.

— Я? — Жан не поверил своим ушам. — Но, мадам, я... я не умею...

— Мне всё равно, что ты умеешь, а что нет, — перебила она. — Ты будешь моим... скажем так, протеже. Мне нужно, чтобы кое-кто увидел тебя рядом со мной. Остальное — не твоя забота. Просто стой, молчи и не делай глупостей. Понял?

Жан не понял. Но кивнул.

Так он оказался в этом зале. Среди тысяч свечей, зеркал, напудренных париков и шёлка. Он стоял у стены, сжимая руки, чувствуя, как пот стекает по спине под новым камзолом. Он смотрел на этих людей — на их лица, на их улыбки, на их пустые, холодные глаза — и понимал, что он здесь чужой. Абсолютно, безнадёжно чужой.

А потом музыка затихла. И к нему направилась молодая графиня в ослепительно белом парике.

Она приблизилась плавной, почти летящей походкой, и Жан почувствовал, как его сердце упало куда-то в пятки. Она разглядывала его через лорнет, и в её улыбке было что-то опасное, как блеск ножа под шёлком.

— Monsieur, — произнесла она мелодично, но с явной насмешкой. — Я не видела вас ранее при дворе Его Величества. Вы прибыли из дальних земель? Ваши манеры кажутся... весьма самобытными.

Вокруг них образовался лёгкий вакуум. Несколько придворных обернулись и с интересом ждали его ответа. Жан чувствовал на себе их взгляды — любопытные, насмешливые, безжалостные. Они ждали, что он сделает. Что он скажет. Они ждали провала.

Жан открыл рот. В голове было пусто. Все слова, которым его учила графиня де Монтескье, все наставления, всё — всё вылетело из головы. Осталось только это лицо, эти глаза, эта улыбка.

— Э-э-э... — протянул он, и голос его предательски задрожал. — Вы... вы хорошо выглядите.

Слова прозвучали нелепо. Неуверенно. Стисненно. Как будто он извинялся за то, что вообще существует.

Тишина стала плотной, как патока. Кто-то за спиной графини хихикнул. Жан почувствовал, как краска заливает его лицо — грубое, обветренное лицо крестьянина, которое сейчас было ярко-красным, как маков цвет.

Графиня в белом парике подняла бровь. Улыбка её стала шире — но не добрее. В ней было что-то торжествующее, как у охотника, который наконец загнал дичь.

— Ах, — произнесла она, и в голосе её звучала хорошо разыгранная любезность. — Как... оригинально. Вы, должно быть, из самых глухих провинций, где комплименты дамам ещё не вошли в моду?

Графиня в белом парике смотрела на него с той же снисходительной улыбкой, ожидая, что он окончательно утонет в собственной неловкости. Придворные за её спиной перешёпты-

вались, кто-то демонстративно прикрыл лицо веером, чтобы скрыть усмешку. Жан чувствовал, как под их взглядами он становится меньше, съёживается, превращается в того самого деревенского увальня, которым они его считали.

Но где-то глубоко внутри, в самом тёмном уголке его памяти, где хранились долгие зимние вечера у очага, где старый дед, Жан-старший, хриплым голосом рассказывал ему о королях, кардиналах и битвах, что-то щёлкнуло.

— Вы правы, мадам, — сказал Жан, и голос его, к его собственному удивлению, перестал дрожать. — Я из провинции. Из Пуату. Но там тоже есть люди, которые помнят историю. Мой дед, например. Он рассказывал мне о временах Людовика Великого. О том, как кардинал Ришелье сокрушил гугенотов и отнял у них Ла-Рошель. О том, как Мазарин продолжал его дело, и как Фронда едва не снесла трон.

Он замолчал. Вокруг стало тихо. Не та плотная, вязкая тишина насмешки, а другая — настороженная, внимательная. Графиня в белом парике опустила лорнет. Улыбка её застыла, но в глазах мелькнуло что-то новое — не то удивление, не то интерес.

— Вы... знаете о Фронде? — переспросила она, и в голосе её больше не было игривой насмешки.

— Немного, — ответил Жан, и тут его понесло. — Дед говорил, что Мазарин был хитрее Ришелье. Что он умел ждать. Что он не боялся заключать союзы с врагами, если это приносило пользу короне. Он говорил, что Анна Австрийская не любила его, но вынуждена была доверять, потому что без него Франция утонула бы в крови. А ещё он рассказывал про Людовика XIV — как тот в детстве пережил Фронду, как его вывозили из Парижа, как он запомнил унижение и потом всю жизнь строил Версаль как клетку для аристократов, чтобы они танцевали, а не интриговали.

Он говорил быстро, захлёбываясь словами, как будто прорвало плотину. Он не замечал, как придворные перестали перешёптываться и начали слушать. Как несколько человек подошли ближе. Как где-то в глубине зала кто-то в пудреном парике поднял голову и прищурился.

— Дед говорил, что Ришелье умер в немилости, но оставил после себя Францию, которая стала сильнее. Что Мазарин нажил огромное состояние, но так и не стал своим. Что Людовик XIV пережил всех своих наследников и умер в Версале, окружённый зеркалами и призраками. А ещё... — Жан запнулся, понимая, что говорит слишком много. — Ещё он говорил, что нынешний король, Людовик XV, не чета своему прадеду. Что он устал. Что он позволил парламентам поднять голову. Что...

Он осёкся.

Слишком поздно.

Тишина, которая установилась вокруг, была уже не настороженной, а гробовой. Жан понял, что сказал что-то, чего говорить не следовало. Он поднял глаза и увидел, как графиня де Монтескье, стоявшая в нескольких шагах у колонны, смотрела на него с выражением, которого он не мог прочесть. Её лицо побледнело под слоем пудры, а губы сжались в тонкую линию.

Она сказала ему молчать. Она сказала ему стоять и не делать глупостей.

А он только что в присутствии половины двора назвал правящего короля уставшим и слабым.

Графиня в белом парике медленно подняла веер и прикрыла им нижнюю часть лица. Но её глаза, блестевшие над кружевом, смотрели на Жана уже совсем иначе. В них был не насмешка. В них был расчёт.

— Monsieur, — произнесла она тихо, так, чтобы слышал только он. — Вы только что назвали Его Величество уставшим. Вы понимаете, что это значит?

Жан сглотнул. Горло пересохло.

— Я... я не...

— Не перебивайте, — мягко, почти ласково сказала она. — Вы понимаете, что если эти слова дойдут до полиции, вас отправят в Бастилию? Или, что ещё хуже, в Шатле? Там не любят болтливых крестьян.

Она сказала «крестьян». Она знала. Знала с самого начала.

Жан почувствовал, как пол уходит из-под ног. Он обернулся, ища глазами графиню де Монтескье. Она стояла всё там же, у колонны, и смотрела на него с выражением холодной ярости. Она не спешила на помощь. Она ждала. Или, может быть, решала, стоит ли он того, чтобы спасать.

А графиня в белом парике продолжала, всё так же тихо, почти интимно:

— Но, возможно, вам повезло. Возможно, я — не та, кто станет доносить. Возможно, мне интересно послушать, что ещё рассказывал ваш дед. В Париже сейчас так мало людей, которые помнят историю. Все заняты нарядами и любовными интригами.

Она опустила веер и улыбнулась — на этот раз искренне, но от этой искренности Жану стало ещё страшнее.

— Меня зовут графиня де Лавальер. И я думаю, monsieur Жан из Пуату, что вы только что стали самым интересным человеком на этом балу.

Она протянула ему руку для поцелуя. Жан, никогда в жизни не целовавший дамам руки, беспомощно посмотрел на эту руку — холёную, белую, с перстнем, в котором играло пламя свечей.

А за его спиной, у колонны, графиня де Монтескье наконец отделилась от стены и направилась к ним. Её шаги были резкими, как удары хлыста.

Жан понял, что сейчас будет нечто ужасное. Но он не знал, что именно. И к кому — к графине де Лавальер или к графине де Монтескье — ему теперь следует бояться больше.

Маркиз де Шатонеф приблизился так стремительно, что несколько придворных отшатнулись. Это был высокий, широкоплечий мужчина лет сорока, с лицом, которое когда-то было красивым, но теперь обрюзгло от вина, устриц и бессонных ночей. Его камзол из серебристой парчи сидел безупречно, но глаза горели тем особым бешенством, которое бывает только у людей, привыкших получать всё и сразу.

Он остановился в двух шагах от Жана. Графиня де Лавальер не двинулась с места, но её веер замер. Графиня де Монтескье, уже почти подошедшая, тоже остановилась, оценив ситуацию.

— Что здесь происходит? — спросил маркиз. Голос его был ровным, но в нём звенела сталь. — Госпожа де Лавальер, вы оказываете внимание... этому?

Он оглядел Жана с ног до головы. Медленно. Тщательно. Как мясник осматривает тушу.

— Этот человек оскорбил Его Величество, — сказал маркиз громко, так, чтобы слышали все. — Я слышал. Он назвал короля уставшим. Он говорил о нём с неуважением. В моём доме. На моём балу.

Жан хотел что-то сказать, но горло перехватило. Он смотрел на маркиза и понимал: это не просто аристократ. Это охотник. И он нашёл добычу.

— Monsieur le Marquis, — вмешалась графиня де Лавальер, и в её голосе появилась лёгкая игривость. — Вы преувеличиваете. Я сама слышала слова этого человека. Он говорил о истории. О Ришелье, о Мазарине. Он не оскорблял короля. Он просто... размышлял.

— Размышлял? — Маркиз повернулся к ней, и его лицо на мгновение смягчилось, но потом снова затвердело. — Дорогая графиня, вы слишком добры. Этот человек — крестьянин. Я вижу это по его рукам. По его лицу. Он не должен быть здесь. Он не должен говорить с вами. Он не должен дышать тем же воздухом.

Он снова повернулся к Жану.

— Ты знаешь, кто я? — спросил он.

Жан сглотнул. Во рту было сухо, как в пустыне.

— Маркиз де Шатонеф, — ответил он. — Хозяин этого дома.

— Верно. И я говорю тебе: убирайся. Немедленно. Пока я не приказал лакеям вышвырнуть тебя в сточную канаву, откуда ты выполз.

Жан должен был уйти. Он знал это. Каждая клетка его тела кричала: беги. Падай на колени. Проси прощения. Сделай что угодно, но уйди.

Но он не двинулся с места.

Потому что где-то глубоко внутри, в том самом тёмном уголке памяти, где дед рассказывал ему о королях и кардиналах, прозвучал другой голос. Голос девушки. Крестьянской девушки из Лотарингии, которая в семнадцать лет надела мужскую одежду и повела за собой армию.

— Я не уйду, — сказал Жан.

Слова упали в тишину, как камни в воду. Придворные замерли. Графиня де Монтескье побледнела. Графиня де Лавальер подняла бровь.

Маркиз усмехнулся.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что не уйду, — повторил Жан. Голос его окреп. — Вы хотите вышвырнуть меня, потому что я крестьянин. Потому что я не умею танцевать и не ношу пудру. Но разве это преступление? Разве Господь создал нас разными, чтобы одни топтали других?

— Ты смеешь читать мне проповеди? — Маркиз шагнул вперёд. — Ты, грязный мужик?

— Я не читаю проповеди, — ответил Жан. — Я просто вспоминаю историю. Ту самую, которую вы так презираете. Вы знаете, кто такая Жанна д'Арк?

Маркиз остановился. В его глазах мелькнуло недоумение.

— Жанна... д'Арк? — переспросил он. — Орлеанская Дева?

— Да, — сказал Жан. — Простая крестьянка. Из деревни Домреми. Она пасла овец. Она не умела читать. Она не носила шёлк. Но она спасла Францию. Она сняла осаду с Орлеана. Она короновала короля в Реймсе. Она сделала то, чего не смогли сделать ни герцоги, ни маршалы, ни кардиналы.

Он говорил, и голос его набирал силу. Он больше не смотрел на маркиза. Он смотрел на лица придворных — на эти напудренные, надменные, пустые лица. И он видел, как что-то в них меняется. Как насмешка уступает место чему-то другому. Чему-то, что он не мог назвать.

— Жанну д'Арк сожгли, — продолжал Жан. — Сожгли англичане и их французские прислужники. Но перед смертью она сказала, что её голоса не лгали. Она сказала, что Франция будет свободна. И она была права. Через двадцать лет англичан выгнали из Нормандии. Через двадцать пять — из Гиени. Франция победила. Но кто помнит Жанну? Кто ставит ей памятники? Кто вспоминает, что она была крестьянкой?

Он замолчал. Тишина вокруг была абсолютной. Даже музыка, казалось, стихла.

А потом Жан сделал то, чего от него никто не ожидал. Он посмотрел прямо на маркиза и сказал:

— Вы хотите вызвать меня на дуэль? За то, что я крестьянин? За то, что я разговаривал с графиней? Что ж. Я принимаю вызов. Но не шпагой. Я не умею драться шпагой. Я умею драться только словом. И если вы хотите меня убить — что ж, убейте. Но прежде чем умереть, я скажу то, что должен сказать. Я скажу, что вы, маркиз де Шатонеф, — не дворянин. Вы просто человек, которому повезло родиться в правильной семье. А Жанна д'Арк родилась в правильной душе. И это — единственное дворянство, которое что-то значит.

Он закончил. И в этот момент гробовую тишину зала прорезал звук. Один. Резкий. Как выстрел.

Это графиня де Лавальер аплодировала. Одна. Медленно. Её глаза сияли.

Маркиз де Шатонеф стоял неподвижно. Его лицо было белым, как его парик. Рука сжимала эфес шпаги так, что костяшки пальцев побелели.

— Ты... — прошептал он. — Ты пожалеешь.

— Возможно, — сказал Жан. — Но не сегодня.

Он не знал, что будет дальше. Он не знал, вызовет ли его маркиз на настоящую дуэль, прикажет ли лакеям вышвырнуть его, или просто убьёт на месте. Но он знал одно: он больше не тот Жан из Сен-Сюльписа, который дрожал у стены. Он сказал то, что думал. И это было важнее всего.

А в глубине зала, у колонны, графиня де Монтескье смотрела на него с выражением, которого Жан не мог прочесть. Но в этом выражении больше не было ярости. Было что-то другое. Что-то, похожее на уважение.

Или, может быть, на страх.

Маркиз де Шатонеф медленно выдохнул. Краска медленно отхлынула от его лица, и на смену бешенству пришла холодная, ледяная ярость. Он выпрямился, одёрнул камзол и обвёл взглядом зал — так, чтобы все видели: он спокоен. Он — хозяин. Он — дворянин.

— Значит, ты принимаешь вызов, — произнёс он, и голос его звучал почти ласково. — Что ж. Я не стану марать руки о тебя здесь. Это было бы слишком... просто. Через час. На заднем дворе. Шпаги. Я даю тебе время, чтобы ты мог помолиться. Или попрощаться с жизнью. Как хочешь.

Он повернулся к гостям и развёл руками, как актёр, завершающий монолог.

— Господа! Через час вас ждёт развлечение. Этот... человек, — он указал на Жана, — бросил мне вызов. Я его принял. Дуэль на шпагах. На заднем дворе. Кто хочет — приходите. Это будет поучительно.

По залу прокатился гул. Кто-то засмеялся. Кто-то захлопал. Кто-то покачал головой, но остался. Никто не уходил. Все хотели увидеть, как маркиз убьёт наглого крестьянина.

Жан стоял неподвижно. Сердце колотилось где-то в горле, но внешне он оставался спокоен. Он смотрел на маркиза и думал: час. У него есть час.

Графиня де Лавальер подошла к нему первой. Она не улыбалась — впервые за вечер. В её глазах было что-то похожее на восхищение, смешанное с тревогой.

— Вы сумасшедший, — сказала она тихо. — Он убьёт вас. Он лучший фехтовальщик Парижа. Он убил на дуэлях четырёх человек.

— Значит, будет пятый, — ответил Жан. — Или я.

— Вы не умеете драться на шпагах, — продолжала она. — Я видела, как вы держитесь. Вы не дворянин. Вы не...

— Я крестьянин, — перебил он. — Я знаю. Но у меня был дед, который рассказывал мне не только о кардиналах. Он рассказывал мне о мушкетёрах.

Он замолчал. В памяти всплыли долгие зимние вечера. Дед, сидя у очага, с трубкой в зубах. Его хриплый голос. Истории о людях в плащах с крестами. О гасконце по имени д'Артаньян, который приехал в Париж без гроша, но с горячим сердцем. О том, как он сражался с гвардейцами кардинала. О том, как он стал капитаном мушкетёров. О том, как он умер при осаде Маастрихта, сжимая шпагу.

— Мой дед говорил, — сказал Жан, и голос его окреп, — что храбрость — это не отсутствие страха. Это когда ты боишься, но всё равно идёшь вперёд. Д'Артаньян боялся. Но он шёл. И я пойду.

Графиня де Лавальер смотрела на него, и в её глазах что-то изменилось. Что-то, чего Жан не мог прочесть.

— Если вы выживете, — сказала она тихо, — я хочу услышать все истории вашего деда. Все до одной.

Она отвернулась и отошла. А к Жану уже спешила графиня де Монтескье. Её лицо было бледным, руки дрожали, но голос оставался твёрдым.

— Идиот! — прошипела она. — Ты понимаешь, что ты наделал? Я сказала тебе молчать! Я сказала тебе стоять и не делать глупостей!

— Мадам, — ответил Жан, — вы сказали мне молчать. Но я не могу молчать, когда меня топчут в грязь. Я не могу молчать, когда меня называют выскочкой только потому, что я родился не в той семье.

— Ты умрёшь! — прошептала она. — Он убьёт тебя!

— Может быть, — сказал Жан. — Но перед смертью я скажу то, что должен сказать. И это будет моя победа.

Графиня де Монтескье отшатнулась. Она смотрела на него, как будто видела впервые. Потом медленно кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Если ты решил умереть, умри красиво. Я помогу тебе.

Она повернулась к одному из лакеев и что-то прошептала ему на ухо. Лакей кивнул и убежал.

Через десять минут Жан стоял в небольшой комнате на втором этаже. Перед ним лежала одежда мушкетёра: синий камзол с серебряными галунами, белый крест на груди, широкополая шляпа с пером, кожаные перчатки. И шпага. Настоящая шпага. Длинная, тонкая, смертоносная.

— Это принадлежало моему брату, — сказала графиня де Монтескье. — Он умер при Фонтенуа. Надень. Если уж умирать, то не в крестьянской сермяге.

Жан кивнул. Он снял свой простой камзол и надел синий. Ткань была прохладной и гладкой. Она пахла пылью и лавандой. Он застегнул пуговицы, поправил крест на груди, надел шляпу. Взял шпагу в руки. Она была тяжелее, чем он думал. Но она была.

Он посмотрел в зеркало. Оттуда на него смотрел не Жан из Сен-Сюльписа. Оттуда смотрел кто-то другой. Кто-то, кто мог быть мушкетёром. Кто-то, кто мог быть героем.

И тогда Жан сделал то, чего от него никто не ожидал. Он запел.

Голос у него был грубый, необработанный, но громкий. Он пел песню, которую слышал от деда. Песню о красавице, кубке и счастливом клинке. Песню, которую пели мушкетёры, когда шли в бой.

— Па-ра-па-ра-порадуемся на своём веку! Красавице и кубку, счастливому клинку! Па-ра-па-ра-порадуемся на своём веку! Красавице и кубку, счастливому клинку!

Он пел, и голос его разносился по коридору. Он пел, и лакеи, стоявшие у дверей, переглядывались. Он пел, и графиня де Монтескье смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова.

А потом он вышел.

Толпа на заднем дворе уже собралась. Свечи и факелы освещали площадку, посыпанную песком. Маркиз де Шатонеф уже ждал. Он снял камзол, оставшись в белой рубашке, и держал шпагу в руке. Его секундант — сухой, жилистый мужчина с лицом, как у ящерицы, — стоял рядом.

Когда Жан появился в дверях, толпа ахнула. Синий камзол мушкетёра. Белый крест. Шляпа с пером. Шпага в руке. И этот голос, который продолжал петь.

— Красавице и кубку, счастливому клинку! Па-ра-па-ра-порадуемся на своём веку!

Жан вышел на площадку. Он не смотрел на маркиза. Он смотрел на дам — на графиню де Лавальер, которая стояла в первом ряду, на графиню де Монтескье, которая замерла у колонны, на других женщин, которые смотрели на него с изумлением и восторгом.

Он остановился в десяти шагах от маркиза. Песня затихла. Тишина стала абсолютной.

Маркиз смотрел на него, и на его лице было написано нечто среднее между яростью и недоумением.

— Что это за маскарад? — спросил он. — Ты думаешь, что если ты нарядился в камзол моего брата, ты станешь дворянином?

— Нет, — ответил Жан. — Я думаю, что если я нарядился в камзол мушкетёра, я стану мушкетёром. А мушкетёры, как говорил мой дед, не боятся ни кардиналов, ни маркизов, ни самого дьявола.

Он поднял шпагу. Рука дрожала, но он сжал эфес крепче. Он вспомнил д'Артаньяна. Вспомнил Атоса, Портоса, Арамиса. Вспомнил, как они сражались. Как они умирали. Как они жили.

— Защищайся, каналья! — закричал Жан. — А-а-а-а-а!!

И бросился вперёд.

Маркиз де Шатонеф отшатнулся. Он не ожидал этого. Он ожидал, что крестьянин будет молить о пощаде. Он ожидал, что крестьянин будет неуклюже размахивать шпагой. Он не ожидал, что крестьянин бросится на него с криком, как берсерк.

Дамы ахнули. Графиня де Лавальер схватилась за веер. Графиня де Монтескье закрыла рот рукой. Придворные замерли.

А Жан шёл вперёд. Он не умел фехтовать. Он не знал ни одной фехтовальной стойки. Но он знал одно: он не отступит. Он умрёт, но не отступит.

Маркиз парировал первый удар. Второй. Третий. Его шпага двигалась быстро, точно, смертоносно. Она рассекла воздух там, где только что была голова Жана. Она оставила красную полосу на его рукаве. Она почти коснулась его горла.

Но Жан продолжал идти.

Он не думал. Он просто делал то, что делал бы д'Артаньян. Он шёл вперёд. Он не отступал. Он не боялся.

И тогда толпа взорвалась.

— Браво! — закричал кто-то.

— Мушкетёр! — подхватил другой.

— Он сумасшедший! — прошептала какая-то дама.

— Он прекрасен! — ответила ей другая.

Графиня де Лавальер смотрела на Жана, и в её глазах стояли слёзы. Графиня де Монтескье смотрела на него, и в её глазах был страх. Маркиз де Шатонеф смотрел на него, и в его глазах была ярость.

А Жан продолжал идти. Шпага маркиза рассекла ему щёку. Кровь потекла по лицу. Но он не остановился.

— Защищайся! — закричал он снова. — Защищайся, каналья!

И тогда маркиз де Шатонеф, лучший фехтовальщик Парижа, убийца четырёх человек, отступил.

На один шаг.

Но этого было достаточно.

Толпа взревела.

Маркиз де Шатонеф отступил. На один шаг. Но этого было достаточно.

Он замер, глядя на Жана с выражением, которого не мог скрыть даже его надменный парик. В этом выражении были ярость, недоумение и — впервые за весь вечер — страх. Настоящий, животный страх.

Шпага в его руке дрогнула. Он опустил её. Медленно. Как будто она стала слишком тяжёлой.

— Довольно, — сказал он, и голос его был хриплым. — Довольно. Я не стану убивать безумца. Это ниже моего достоинства.

Он повернулся и пошёл прочь. Толпа расступилась перед ним, но никто не сказал ни слова. Тишина была такой, что слышно было, как песок скрипит под его сапогами.

А потом кто-то — кажется, молодой виконт с румяным лицом — закричал:

— Vive le mousquetaire! Да здравствует мушкетёр!

И толпа взорвалась. Аплодисменты, крики, смех. Люди хлопали Жана по плечам, пожимали ему руки, что-то говорили. Он не понимал половину слов. Но он понимал одно: он победил.

Графиня де Лавальер подошла первой. Она взяла его руку — ту самую, грубую, крестьянскую руку — и поднесла к губам. Жан замер. Он никогда в жизни не видел, чтобы дама целовала кому-то руку. Тем более ему.

— Вы — чудо, — сказала она. — Настоящее чудо. Я никогда не видела ничего подобного.

— Я... — начал Жан, но не нашёл слов.

— Не говорите ничего, — перебила она. — Просто примите моё восхищение. И моё приглашение. Завтра вечером. У меня. Я хочу услышать все истории вашего деда. Все до одной.

Она отошла, оставив его стоять с открытым ртом.

А потом его окружили. Дамы. Много дам. Они щебетали, смеялись, задавали вопросы. Они касались его рукава, его плеча, его шляпы. Они смотрели на него с восторгом, как на диковинного зверя, которого привезли из далёких земель.

— Monsieur, откуда вы?

— Monsieur, это правда, что вы дрались при Фонтенуа?

— Monsieur, а ваш дед был мушкетёром?

Жан не успевал отвечать. Он смотрел на эти лица — напудренные, улыбающиеся, ждущие. Он чувствовал запах духов, шёлка, вина. Он чувствовал, как вино ударяет в голову. Он выпил бокал. Потом второй. Потом третий.

И тогда он начал говорить.

— Мой дед, — сказал он, и голос его звучал увереннее, чем должен был, — был мушкетёром. Да. Он служил самому д'Артаньяну. Он... он был его правой рукой. Он сражался при Маастрихте. Он видел, как д'Артаньян умер.

— Как он умер? — спросила молоденькая баронесса с глазами, как у лани.

— Он... — Жан запнулся. Он не помнил точно, как умер д'Артаньян. Дед рассказывал, но это было давно, и вино путало мысли. — Он умер... в бою. Да. Его убили... англичане. Нет, голландцы. Он сражался с голландцами. И... и его ранили в грудь. И он сказал: «Я умираю за Францию». И умер.

Дамы ахнули. Одна из них промокнула глаза платком.

— Как прекрасно! — прошептала она.

Жан воодушевился. Он уже не помнил, что врёт. Он просто говорил, и слова лились сами собой.

— А ещё мой дед... он был в Париже во время Фронды. Он видел, как кардинал Мазарин бежал из города. Он... он спрятал его в стоге сена. Да. В стоге сена. И Мазарин сказал ему: «Ты спас Францию». И дал ему... дал ему... — Жан попытался вспомнить, что дают за спасение Франции. — Дал ему шпагу. Вот эту самую. Она принадлежала... принадлежала самому Ришелье.

Он поднял шпагу, которой только что дрался. Ту самую, которую ему дала графиня де Монтескье. Ту самую, которая принадлежала её брату, умершему при Фонтенуа.

Дамы замерли. Шпага блестела в свете факелов. Она была самой обычной шпагой. Но теперь она была реликвией.

— Она принадлежала Ришелье? — переспросила графиня де Лавальер, и в её голосе было что-то, чего Жан не понял. — Но, monsieur, Ришелье умер в 1642 году. А Мазарин бежал из Парижа в 1651-м. Как же ваш дед мог получить шпагу Ришелье от Мазарина через девять лет после смерти кардинала?

Жан замер. Он почувствовал, как краска заливает его лицо. Он попытался что-то сказать, но слова застряли в горле. Он не знал, что ответить. Он не знал, как выпутаться.

Но дамы не смеялись. Они смотрели на него с ещё большим восторгом.

— Ах, — сказала графиня де Лавальер, и улыбка тронула её губы. — Какая восхитительная путаница. Вы так взволнованы, monsieur. Это так... искренне.

— Да, — подхватила другая дама. — Вы так не похожи на наших кавалеров. Они всегда говорят одно и то же. А вы... вы говорите от сердца.

Жан не понял, что произошло. Он думал, что его поймали на лжи. А оказалось, что его ложь — это то, что их покорило. Они не хотели правды. Они хотели зрелища. И он его давал.

Он рассмеялся. Нервно, громко, нелепо. И дамы рассмеялись вместе с ним. Они окружили его ещё плотнее. Они налили ему ещё вина. Они просили рассказать ещё.

А Жан рассказывал. Он говорил о битвах, которых не было. О подвигах, которых не совершал. О людях, которых не знал. Он путался в датах, в именах, в событиях. Он говорил, что д'Артаньян был его двоюродным дедом. Потом — что он был его крёстным. Потом — что он вообще не был д'Артаньяном, а был его братом. Дамы ахали и хлопали в ладоши.

А в стороне, у колонны, стояла графиня де Монтескье. Она смотрела на Жана, и на её лице было выражение, которое не могли скрыть ни пудра, ни румяна. Это было выражение человека, который видит, как его план рушится — но рушится так красиво, что он не может не восхищаться.

А ещё дальше, в тени, стоял маркиз де Шатонеф. Он не ушёл. Он смотрел. И в его глазах была не ярость. Было что-то хуже. Что-то холодное. Что-то, что обещало, что это ещё не конец.

Но Жан не видел его. Жан сидел за столом, пил вино, смеялся и врал. И дамы слушали. И весь зал смотрел на него.

Он стал звездой этого вечера. Крестьянин из Пуату. Человек, который час назад дрожал у стены.

Аристократы в пудреных париках перешёптывались, глядя на него. Они не могли поверить. Они не хотели верить. Но это было так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.